

Николай Зеляк

Дорогу осилит идуший

Фантастическая повесть

Николай Земяк

**Дорогу осилит идущий.
Фантастическая повесть**

«Издательские решения»

Земяк Н.

Дорогу осилит идущий. Фантастическая повесть / Н. Земяк —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515273-2

Дремучие муромские леса. Захолустное село Карачарово. В тёмной избе
мыкает беспросветное горюшко своё нехожалый добрый молодец. Он страстно
хочет стать заступником родной земли, да, видно, не суждено сбыться его
мечте заветной. Но... случается чудо: его сумрачную обитель посещает
таинственный, неместный человек и...

ISBN 978-5-00-515273-2

© Земяк Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Отчие пенаты	7
Глава 2. Беда	11
Глава 3. Любовь всегда права	15
Глава 4. Волхв	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дорогу осилит идущий Фантастическая повесть

Николай Зеляк

© Николай Зеляк, 2020

ISBN 978-5-0051-5273-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Светлой памяти моей дорогой матери Натальи Игнатовны, посвящаю!

Если у человека есть сокровенная мечта, и он страстно желает её исполнения, то этот человек преодолеет все препятствия, какими бы неодолимыми они не казались ему, и непременно своего добьется...

Подобная история приключилась с добрым молодцем по имени Илья. Родом он был из села Карачарово, что под городом Муромом. Пришла к нему, горемычному, беда великая, и стал он, молодой да могучий, в одночасье, нехожалым. Разом сделались призрачными все его чаяния и надежды. А мечтал он быть первым заступником родной земли. Ведь всё было при нём: и силушка, и стать, и отвага, и великодушие.

Но несчастье, ненастной тучей накрыло, Илью. Овладело им глубокое отчаяние. Поначалу, он даже отринул от себя любовь своей зазнобушки Алёнушки...

Однако сломленным было только тело его, но не дух его могучий. Он всё надеялся на чудо. И чудо это случилось!

Однажды избу его сирюю посетил странный, непохожий на других людей, человек и исцелил его от тяжкой немощи. Стал Илья прежним. Сильным, да пригожим. Сбылась, наконец, его сокровенная мечта быть заступником земли русской!

Оседлал он богатырского коня Бурушку и пустился дорогой прямоезжею в стольный Киев-град, чтобы послужить князю киевскому Владимиру Красно Солнышко...

Глава 1. Отчие пенаты

Среди дремучих муромских лесов приютилась деревня, которая называлась Карачарово. Ничем особенным она не отличалась от десятков других, таких же, как она, деревень, рассыпанных по округе. Все они были сплошь деревянными и похожими друг на друга, как две капли воды. Ютились все они вокруг города Мурома. Город отличался от них тем, что был больше размером и имел храм. Всего один, но построенный не из дерева, а из камня. И эта архитектурная достопримечательность придавала городу особую важность.

Село Карачарово раскинулось на опушке леса, примерно в двух верстах от города Мурома. Это если идти прямо. А если петлять, минуя чащи, да буреломы, то набиралось гораздо больше.

Село располагало всего одной улицей и одним переулком. Не густо. Если рассматривать эту уличную сеть в градостроительном аспекте, то главным элементом её, конечно, считалась улица. Она тянулась от одного края села к другому, и была почти ровной. Если, конечно, не считать редких огромных валунов, которые посреди её намертво вросли в землю. Зато она была сплошь в траве-мураве.

Длинную широкую улицу с двух сторон украшали избы, которые не особо отличались архитектурными изысками. Изб набиралось несколько десятков. А может и больше. Их никто не считал. Избы были все деревянные. Крыши соломенные. Срубы из толстого бревна, крепкие. Окошки маленькие, похожие на амбразуры. А, может, они таковыми и являлись, чтобы, в случае чего, отстреливаться от супостата поганого. Окошки были затянуты бычьим пузырём. Избы разбросаны вдоль улицы «горохом». Кроме того, они были дополнительно соединены между собой ещё и народными тропами. Название улицы и номера у изб отсутствовали. Угадать где, чья изба, без случайной уличной справки, пришлому человеку было сложно.

Днём село выглядело пустынным. Почти все обитатели его уходили, кто на охоту, кто на пашню.

В одной из таких изб, на самом конце улицы, жил почтенный крестьянин Иван Тимофеевич со своей супругой, Ефросиньей Яковлевной. У них в семье рос сын. Вернее, уже вырос. Звали его Илья. Отец смотрел на него, и не мог нарадоваться: какой пособник по хозяйству! Одно загляденье! Детинушка вышел хоть куда. Что удался, то удался. Тут ничего не скажешь. Всё было при нём: и рост, и силушка, и мужская стать. Кудрявую головушку свою всегда держал прямо. Никогда и ни перед кем не преклонял её. Разве что перед батюшкой, да перед матушкой. И то от великого к ним уважения. Голубые глаза его смотрели прямо и бесстрашно. Взгляд приветливый и открытый. Улыбался редко. Только тогда, когда на то была веская причина. Зато улыбка была широкой и доброй.

Хотя, природа и наградила его большой силушкой, он никогда не обижал слабых, да сирых. Ко всем относился одинаково доброжелательно и кротко. И к человеку преклонного возраста, и к малыцу несмышленому. А уж как девицы-красавицы стали на него заглядываться, так об этом отдельная история...

Родители его, Иван Тимофеевич, да Ефросинья Яковлевна тихо радовались, глядячи на чадо своё единственное, чадо своё ненаглядное. Добрый работник вырос, да великой набрался силушки. И стал Илюшенька незаменимым помощником отца своего, в его тяжёлом крестьянском деле.

А труд крестьянский, тяжёлый и часто не благодарный, начинался ранней весной и заканчивался поздней осенью. И работы каждый божий день было непочатый край. Делать, не переделывать. И труд этот крылся в том, чтобы, пядь за пядью, отвоевывать у леса дремучего полюшко, которое потом можно было пахать, да сеять на нём хлеб.

Нужно было корчевать вековые корни, да уносить их на край поля и бросать в овраг глубокий. И корней этих на полюшке было видимо-невидимо. Да толстые все и глубокие. А кроме корней были ещё и камни разные. Большие и маленькие. С малыми камнями справиться было легко. А вот для больших камней требовалась силушка, и немалая. Тяжело было Ивану Тимофеевичу управляться на полюшке, когда Илюшенька был малолетним. И пришло великое облегчение, когда он вошёл в силушку свою богатырскую.

Быстро стала двигаться работа по очистке полюшка. Спориться стала она. Илюшенька так работал, что его батюшка да матушка только дивились, да одобрительно переглядывались друг с другом.

Иван Тимофеевич радостно говаривал:

– Погляди мать, какой помощник у нас вырос! Какой кормилец появился на старости лет. Пригожий, да работающий. На такого работника можно смело доверить своё полюшко. Не подведёт он.

Ефросинья Яковлевна дополняла его слова:

– Отец, а молодец то какой наш сыночек. За такого всякая девица-красавица с великой радостью выйдет замуж! И будет она за ним, как за каменной стеной, жить и горюшка не ведать.

Иван Тимофеевич согласно кивал своею седой головой.

– Правду говоришь мать, чистую, как ключевая водица, правду.

А как шёл, как вышагивал Илья вечером по улице, после тяжкого труда на полюшке. Как шёл он к другим парням на опушку леса, чтобы поиграть, да повеселиться. Это, надо было видеть: каким, он соколом выступал! Словно и не было никакой усталости. Словно и не ворочал он день-деньской камни великие, да не выкорчёвывал корни длинные и глубокие.

Спина прямая, голова высокая, походка лёгкая. Белая рубаха туго обтягивает могучую грудь. Лапти лыковые, новые. Русые кудри шевелит вечерний тихий ветерок. Голубые глаза светятся. Идёт, одно загляденье.

Парни завидовали его росту высокому и стати дивной. Некоторые из них недолюбливали его и боялись. Боялись его силушки. А недолюбливали, потому что были не такие видные, как Илюшенька. Это один он был такой на всю деревню, который всем взял – и статью, и красотой, и силушкой.

Илья, по природе своей, был прямодушным и добрым. Однако терпеть не мог несправедливости. Не любил хитрых, да хвастливых. Поэтому у него набралось немало недоброжелателей и завистников. Но Илья был великодушным человеком и прощал своим недругам их мелкие пакости и проделки. Он был выше всех интриг и тайн деревенских. Не интересовали они его. Совсем не интересовали.

Илья мечтал об ином. О том, как и где применить свою силушку и натуру благородную на пользу людям. Но мечта эта тайная и заветная была ещё смутною, и не понятною для него. Конечно, работать на полюшке это хорошо. Но он уже тогда чувствовал, что мерить свою жизнь размерами одного полюшка – это мало, очень мало. Его душа рвалась на простор великий. Он стремился в мечтах своих, пока ещё неясных, стать защитником того самого полюшка, на котором его родные батюшка и матушка работали. И такие, как они. Да и он сам тоже...

А ещё, когда он хаживал по улице своею лёгкою походкой, то на него невольно засматривались девицы-красавицы. Кто с удивлением, кто с нежностью. Смотрели и нескромно вздыхали – ах, какой молодец идёт, какой ладный, да пригожий! Вот бы такого себе в женихи. За ним жизнь была бы, как за каменной стеной. Живи и радуйся.

Однако равнодушен был Илюшенька к их нежным взглядам, да нескромным вздохам. Не откликалось его молодецкое сердце на их тайные чувства и переживания. Проходил он, мимо них, ничего не замечая.

Но однажды, идя вместе с друзьями на опушку леса, он увидел её! Ту самую. Единственную. И звали эту девицу-красавицу Алёнушка...

Её изба находилась недалеко от того места, где собирались летними вечерами деревенские парни и красные девицы, чтобы песни петь, да хороводы водить.

Сидела она на крылечке и глядела своими распахнутыми глазами на улицу. И увидел Илюшенька в глазах её синих сказку недосказанную, быть-небылицу и чудо чудное. Были похожи они на бездонное синее небо, которое как не стараются затянуть летучие тучки, но никак закрыть не могут. Ладная да хрупкая, кроткая да улыбочатая девица Алёнушка, неожиданно-негаданно, тронула его молодецкое сердце. Незаметно, но властно.

С тех пор молодец стал выделять, среди весёлых девиц-красавиц, только её. Да и она тоже, ни на кого другого не обращала своего дивного взгляда, кроме как на Илью.

Сначала смотрела робко и украдкой. А потом, видя его ответный открытый и светлый взгляд, стала смотреть увереннее и смелее. И вот однажды, когда парни и девицы вознамерились вести, взявшись за руки, хоровод вокруг вечернего костра, Илья робко подошёл к ней и тихо предложил:

– Алёнушка, позволь взять тебя за руку.

Девица смущённо опустила свои очи долу. Щёчки её разом вспыхнули ярким румянцем. Она давно ждала этого момента. И вот он, наконец, наступил. Она доверчиво протянула ему свою хрупкую ручку.

– Возьми, Илюшенька...

Илья бережно взял её ручку в свою крепкую ладонь. Невольно восхитился её красотой.

– Какая она маленькая, да прозрачная.

Смутился.

– Не причинить бы вреда ей.

Она подбодрила его своей улыбкой.

– Не бойся Илюшенька...

И стали они водить хоровод вокруг костра, держа друг друга за руку. С тех пор Илья всегда стоял рядом с ней. Ей нравилась его большая, крепкая ладонь. А после гуляний и хороводов, он стал провожать её до самого крылечка. И это Алёнушке тоже пришлось по нраву. Илья стал люб ей. Она уже и не помышляла другой картины, кроме той, когда рядом с ней должен быть Илюшенька, а не кто-то другой. И Илья полюбил Алёнушку.

Матушка Алёнушки, Пелагея Ивановна, смотрела в солнечные глаза своей единственной дочери – сиротке и не могла нарадоваться.

– Какой у Алёнушки жених! Одно загляденье. Дородный, да пригожий. Сильный, да добрый.

Украдкой утирала материнскую счастливую слезу.

– Рядом с таким женихом, как Илюшенька, она жить будет в согласии и достатке. Как за стеной каменной.

Пригорюнилась.

– Вот бы порадовался покойный Карп Никитич, когда бы увидел свою дочь-невестушку и жениха её пригожего. Не дожил он, горемычный мой, до этого счастливого денька. Ох, горюшко-то, какое...

А родителям Илюши, батюшке Ивану Тимофеевичу и матушке Ефросии Яковлевне, в свою очередь, тоже понравилась кроткая, да пригожая избранница их сына.

Они уже говаривали между собой:

– Как пройдёт лето красное, да поубавится на полюшке забот крестьянских, так и пошлём сватов в дом Алёнушки, чтобы сосватать её за Илюшеньку.

И наметили они сыграть свадьбу после того, как пройдёт хлебная страда, и работы на нивушке станет меньше. После того, как минет, пришедшая из-за дремучих лесов муромских, хмурая и протяжная осень, со своими нудными дождями и промозглостью, и... наступит, наконец, долгожданная бодрящая зимушка.

С приходом зимушки, дружно ударят морозцы, и запорошит снег. Белый и пушистый. И вот тогда счастливые новобрачные Илюшенька да Алёнушка прокатятся по первому снежку на свадебных резных саночках. Прокатятся весело и задорно. Смеясь, они будут смотреть только вперёд. А кони быстрые понесут их по просёлочной дороге, вздымая за собой пыль снежную. Чистую да искрящуюся...

Глава 2. Беда

...Илюшенька да Алёнушка наметили сыграть свадьбу после того, как пройдёт страда полевая, и нивушка укутается снегом.

Так могло бы быть, но так не случилось. Доля злая, да чёрная распорядилась по-другому. Она накликала беду. И та нагрянула неожиданно-негаданно и поломала хрупкие мечты Алёнушки и Илюшеньки...

Беда эта пришла к Илюшеньке, когда он трудился на полюшке. И приключилась она с ним пригожим летним днём...

Стоял жаркий летний полдень. Шла хлебная страда. Иван Тимофеевич и Ефросинья Яковлевна убрали хлеб, а Илья трудился на краю поля. Он отвоёвывал у леса землю, чтобы приумножить хлебное полюшко. Выкорчёвывал пни, да выковыривал из земли большие камни, чтобы потом сбросить их в большой овраг.

Солнце полуденное утомило жнецов. Они оставили свою работу, чтобы передохнуть в тени полога от жары немилосердной. А заодно и отобедать.

Илья Тимофеевич позвал своего сына:

– Илюшенька, иди к нам. Трапезничать пора!

Илья тут же откликнулся:

– Добро, батюшка. Вот только подниму камешек, да отнесу его к оврагу глубокому.

Родители Ильи отложили трапезу. Они решили подождать сына, чтобы отобедать вместе. Время шло, а Илюша всё не появлялся. Кликнули его. Он не ответил.

Тревожно стало на сердце у Ефросиньи Яковлевны.

– Не откликается сынок. Не случилось ли что? Не беда ли какая приключилась с ним?

Иван Тимофеевич попытался её успокоить. Хотя, и у него на душе стало смутно.

– Не тревожься напрасно, мать. Что может приключиться с ним средь бела дня? Лютый зверь в этих местах давно уже не водится. О худых людях не слышно. Придёт к нам Илюшенька. Просто, задержался малость. Подождём ещё немного.

Но не дождались они своего сына к обеду. Не зря тревожилось чуткое материнское сердце Ефросиньи Яковлевны. Ой, не зря! Приключилась с её сыном беда великая.

Поднял с земли он большой камень, да хотел отнести его к оврагу глубокому. Но не вышло у него. Поехала его крепкая ноженька, и упал он навзничь, со всего размаха. Спиной на корягу твёрдую. Почувствовал боль сильную. А когда она немного унялась, то хотел вскочить на ноги резвые. Но не получилось у него. Перестали слушаться его ноженьки. Стали словно чужие. Не поверил он этому и повторил свою попытку сначала. И у него опять ничего не вышло. Илья чувствовал, что сверху он живой, а снизу как бы мёртвый. Ни поднять ногу, ни пошевелить ею!

Страшно стало Илье. Позвал он на помощь батюшку и матушку. Те же, так и не приступив к трапезе, тотчас поспешили к нему. Запыхались. Склонились над ним, беспомощно распростёртым на земле. В глазах тревога.

Матушка его всплеснула руками.

– Что с тобой, сыночек? Ты поранился?

Илья приподнялся на локтях. В его голубых глазах застыло недоумение. Он, здоровый и молодой, ещё не осознал до конца, какая пагуба постигла его.

– Поранился, матушка.

Матушка своей ладонью нежно прикоснулась к его лицу. В её глазах выступили слёзы.

– Сильно поранился, сыночек?

Он тихо ей ответил:

– Сильно, матушка. Да так сильно, что ноженьки мои стали не хожальными. Нынче они словно чужие стали.

Его матушка упала перед ним на колени и тихо запричитала:

– Ой, да что же это такое, а? Ой, да сыночек мой – ясный сокол, как же всё это приключилось-то с тобой, а? Ой, какое горюшко-то великое.... Ой, да свалилось оно на твою бедную головушку нежданно-негаданно...

Запустила, в горе великом, пальцы в свои волосы. Закачала из стороны в сторону свою седую головой. Глаза её совсем утонули в слезах.

– Ой, да нехожалым теперь станет сыночек мой.... Сокол мой видный да ладный.... Ой, да как же теперь жить ему дальше-то, дитятку моему.... Ой, да разорвётся моё сердечко от несчастья беспросветного, да беспросветного...

Сражённый нежданной напастью, Иван Тимофеевич опустился на колени рядом со своей безутешной женой. Сделал робкую попытку утешить её:

– Не плачь мать, не причитай. Авось пройдёт беда и Илюшенька снова станет на свои резвые ноженьки. Молод он. Поборет беду. Обязательно поборет.

Смахнул рукавом пот со лба.

– Отвезем Илюшеньку домой. Пусть отлежится. А отлежавшись, поправится.

Так и поступили родители Ильи. Они отвезли его в избу. Усадили его горемычного на лавку. Поставили перед ним еду.

Мать снова пустила слезу.

– Ешь, сыночек. Поправляйся.

А батюшка добавил:

– Мы с матушкой поедem на полюшко. Хлебушек надобно убирать. А ты отдохни на лавочке. В прохладе. Авось тебе легче станет.

Родители ушли.

Илья остался в сумрачной, прохладной избе один. И вдруг его обуяла тоска сильная. По солнышку ясному. По широким зелёным просторам, которые никогда не заканчиваются, сколько не иди. По лесу нехоженому и таинственному, где водятся лешие да кикиморы. По речке Корчаге, с её прозрачной, ключевой водицей.

Но более всего затосковал добрый молодец по своей избраннице, Алёнушке. Он теперь уже не сможет увидеть её, когда синий вечер незаметно окутает землю. И не принесут уже лёгкие ноженьки его к её заветному крылечку, и не заглянет он больше в её синие и бездонные глаза...

Сокрущённо вздохнул Илья, но взял себя в руки. Он всё же надеялся, что болезнь отпустит его, и он снова станет прежним. Сильным, да ладным...

Наступил вечер. Он принёс с собой прохладу, отдых и веселье. Мимо Алёнышкого крылечка порхнула первая стайка смеющихся девиц-красавиц и их ухажёров. Подружки увидели Алёнушку на крылечке и покликали её идти с собой. Но она осталась безучастной к их просьбам. Красная девица ждала своего наречённого, а он всё не появлялся. Так и просидела она целый вечер на крыльце, не дождавшись своего Илюшеньки. Сначала огорчилась, а потом подумала, что устал, видно, её суженый от трудов тяжких, от того и не пришёл. С этими мыслями покинула она крылечко и ушла в свой дом.

Наступил следующий вечер. Картина повторилась. Снова не пришёл её Илюшенька. Не похоже это было на него. А раз не пришёл, то, видно, случилось с ним что-то неведомое.

Забеспокоилось её сердечко. Хотела она сходить в дом Ильи, чтобы узнать причину долгого его отсутствия, но укротила свой эмоциональный порыв. Не принято было в те далёкие времена переступать красной девице порог дома жениха, до свадьбы. Молва людская могла осудить такой поступок.

А когда, на третий вечер, встревоженная Алёнушка вновь стала высматривать своего суженого, к ней на крылечко подседа её подруга Настенька, выпорхнув из стайки девиц-красавиц, идущих на гулянье. Неожиданно для Алёны. Её весёлые, живые глаза выглядели тусклыми. Обычно заводная и голосистая, она вела себя почему-то скованно и неловко. Словно в чём-то провинилась перед Алёнушкой.

Заглянув в глаза своей близкой подруге, она тихо спросила:

– Ждёшь своего Илюшеньку?

Алёнушка насторожилась.

– Жду.

Настенька отвела свои бойкие глаза в сторону.

– Не придёт он, Алёнушка, не жди.

Избранница Ильи почувствовала что-то неладное.

– Почему?

Голос подружки Алёнушки дрогнул:

– Поранился он сильно, работая в полюшке.

Сердце Алёнушки сжалось.

– Что ты говоришь такое, Настенька? Я не понимаю тебя!

Губки её подруги задрожали. Потупив глаза долу, она глухо ответила:

– Нехожалый он, Алёнушка. Калека сирий. Люди говорят, что не будет он, горемычный, больше выступать соколом, а станет он сиднем сидеть у себя в избе. Такая теперь его горькая судьбинушка.

Алёнушка слушала свою подругу, а в очах мерк белый свет.

– Страшные слова ты сказала мне, милая подруженька, нещадные. Больно сделала мне.

Ранила моё сердечко тяжело...

Отмахнулась руками, словно хотела отвести беду.

– Не верю я дурной вести. Не может Илюшенька быть нехожалым!

Уткнула своё личико в ладошки. Заплакала.

– Не может, и всё!

Настенька поднялась с крылечка и тихо сказала:

– Не обижайся на меня, Алёнушка. Я рассказала тебе то, о чём люди добрые говорят.

И только.

Уходя, дала добрый совет:

– Ты бы, Алёнушка, сама зашла к Илюшеньке в гости. Там, на месте, и узнала бы всю правдушку. Долго ещё сидела Алёнушка на крылечке, словно вдруг стала каменной. Весть страшная и нежданная поразила её в самое сердце. У неё не было сил даже с крылечка подняться. Ноженьки не держали. Так и сидела бы она дальше, если бы не вышла из избы её матушка, Пелагея Ивановна.

Увидев пригорюнившуюся дочь, она спросила:

– Доченька моя, почему ты такая печальная?

Алёнушка подняла свои заплаканные глаза на матушку.

– Беда пришла, матушка, большая беда...

Её синие очи снова утонули в слезах.

– Не знаю я, что делать мне, и как быть мне дальше.... Ой, бедная моя головушка!

Мать ласково положила свои руки на её вздрагивающие плечи.

– Алёнушка, не терзай так сердечко своё. Поведай мне о своей печали-кручинушке

Попыталась поймать её безутешный взгляд.

– Или кто обидел тебя, дитяtko моё?

Алёнушка прижалась головой своей к руке матери, как бы ища у неё защиты. Из уголков глаз её текли прозрачные слезинки.

– Никто меня не обидел, матушка. А услышала я весть страшную, сердечко моё поранившую.

Мать нежно погладила её по голове.

– Говори, дитятко моё. Облегчи своё сердечко.

Алёнушка ответила дрожащим голосом:

– Матушка моя, с Илюшенькой приключилась беда великая. Поранился он тяжело.

Пелагея Ивановна всплеснула руками.

– Ох, напасть – то, какая! А живой ли?

Живой, – всхлипнула Алёнушка, – только...

Губки её изломались и задрожали.

– Только нехожалый он теперь, совсем не хожаый.

Пелагея Ивановна постаралась успокоить свою дочь.

– Доченька моя, Илюшенька выздоровеет. Он крепкий. Дай ему только срок.

Попыталась улыбнуться. Получилось это у неё неважно.

– Вот увидишь...

Слова матушки успокаивающе подействовали на, упавшую было духом, дочь.

Она взбодрилась.

– Правда, матушка? Он снова станет ходящим?

Матушка Алёнушки ласково кивнула.

– Станет, голубка моя, обязательно станет.

Чуть подумала и добавила:

– Ты бы наведалься к Илюшеньке. И сама бы успокоилась, и ему стало бы легче переносить свою напасть.

– Матушка, а хорошо ли ходить девице к жениху в дом, до свадьбы?

Пелагея Ивановна её успокоила,

– Хорошо, Алёнушка. Ведь уже все знают, что Илюшенька твой суженый. А ещё болен он. Ну как не навестить такого.

Алёнушка вострепелась.

– Хорошо, матушка. Я завтра же, поутру, наведаюсь к Илюшеньке.

Снова взгрустнула.

– Только вот будет ли он мне рад...

Глава 3. Любовь всегда права

Илья сидел на дубовой лавке и угрюмо смотрел в мутное пятнышко окошка. Сквозь оболочку бычьего пузыря, натянутого на небольшой проём в бревенчатой избе, ничего не было видно. Но он, хоть, пропускал дневной свет и это уже хорошо. С ним было не так тоскливо сидеть в сумрачной бревенчатой клетке. Интерьер избы изысканностью не отличался. Он был прост и груб, как сама жизнь. Время тогда было такое. Суровое и неласковое.

Илья никого не ждал. Ни гостя, ни друга. Да и не желал он их видеть. Ведь начнут вспоминать о былом, да жалеть его. А он сильный и гордый. И всё это стало бы для него невыносимой пыткой. Другое дело Алёнушка, его ладо. Хотя, и её он уже не хотел видеть. Потому что сильно любил свою зазнобушку. Потому, что не желал избраннице своей несчастной доли...

Он уже стал понемногу привыкать к своему тягостному одиночеству.

Неожиданно в дверь кто-то постучал. Илья вздрогнул и повернул свою кудрявую голову в сторону двери. Произнёс густым, молодым голосом:

– Входи, добрый человек.

Дверь робко скрипнула и на пороге показалась Алёнушка. Вся в белом. Светлая и чистая, как утренняя заря. Она робко улыбнулась и сделала несмелый шаг в горницу. Тихо притворила за собой дверь.

В полумраке избы, Илья не сразу разобрал, кто вошёл. Гостья подала голос:

– Здравствуй, Илюшенька! Это я, Алёнушка.

Взгляд молодца невольно потеплел. Он тихо ответил:

– Здравствуй, Алёнушка!

Но лицо его тут же исказила гримаса глубокой внутренней боли.

– Ты пришла ко мне, но мне больно видеть тебя, ладо моя. В тебе вижу я свою прошлую жизнь, которая больше не вернётся ко мне никогда. А думы о ней причиняют мне страдания. Да такие великие, что жизнь моя становится не любя мне.

Гостья робко улыбнулась.

– Позволь, Илюшенька, сесть рядышком с тобой, да поговорить ладком.

Илья кивнул.

– Садись, Алёнушка, коли хочешь.

Горько усмехнулся.

– И станет всё, как... встарь?

Печально покачал головой.

– Только не нужно всё это теперь, любя моя. Ой, не нужно...

Алёнушка села рядом с молодцем. Взяла его большую, сильную ладонь и погладила её.

– Не надо так говорить, Илюшенька. Слова твои больно точат моё сердечко.

Илья посмотрел в её широко распахнутые, доверчивые глаза. Спросил честно и прямо:

– Скажи мне, Алёнушка, зачем ты пришла?

Девушка недоумённо хлопнула своими густыми ресницами.

– Как это зачем, Илюшенька? Аль не любя я уже тебе? Мне горько слышать от тебя такие обидные слова.

Снова погладила своими хрупкими пальчиками его могучую ладонь. Её глаза засветились нежностью.

– Соскучилась я по тебе, Илюшенька, вот и пришла.

Доверчиво заглянула ему в глаза.

– Без тебя свет мне не мил, Илюшенька.

Мужественное лицо молодца посветлело. По всему было видно, что слова Алёнушки ему были по душе. Однако суровая действительность не отпускала его ни на миг.

Он тяжело вздохнул.

– Мне светло на душе от твоих слов, любушка. Но, нынче, не к месту сказаны они. Ох, не к месту...

Она крепко сжала своими хрупкими пальчиками его тяжёлую ладонь.

– От чего же, ладо моё?

Илья посмотрел ей прямо в глаза. Во взгляде его отсвечивала безысходность.

– Не пара я тебе уже, Алёнушка. Ох, не пара.

Губки её обиженно сжались.

– Почему, Илюшенька? Ты люб мне, я любя тебе, так от чего же мы не пара? Не понимаю я!

Илья сдвинул к переносице свои густые брови и отвернулся. Она услышала его глухой голос:

– Нехожалый я. Калека увечный. Потому и не пара я тебе!

Она наклонилась, пытаясь заглянуть ему в глаза.

– Илюшенька, это не беда, что ты нехожалый. Люб ты мне, вот и весь сказ! Заполонил ты моё сердечко так, что никому другому не осталось в нём местечка!

Илья повернул голову в её сторону. Глаза влажные. По нему было видно, что он сильно переживает и едва сдерживает себя, чтобы не заплакать.

– Не рви моё сердце на части, любушка. Оно и так у меня несчастное...

Он немного помолчал, собираясь с мыслями. Лицо его обрело спокойное выражение.

– Ты, Алёнушка, как весенний цветок, который только-только распустил свои тонкие лепестки. Цветок чистый и нежный.

Взгляд его помрачнел.

– И я не желаю, чтобы он безвременно увял рядом со мной.

Гостыя попыталась возразить:

– Что ты такое говоришь, Илюшенька? Я не хочу слышать такие слова из уст твоих. Слышишь, не хочу!

Он перебил её:

– Послушай меня до конца. Я сирий и убогий. Зачем я тебе такой?

Взгляд его помрачнел ещё сильнее.

– Придёт пора и ты, Алёнушка, горько пожалеешь о своей несчастной доле. И виной тому буду я. Ты любя мне, а потому я хочу видеть тебя счастливой.

Она снова сделала робкую попытку ему возразить:

– Илюшенька, ты не прав...

Но он решительно её перебил:

– Не перечь мне. Я истину говорю.

Перевёл дыхание.

– Я хочу, чтобы ты была счастлива. Чтобы жила долго-долго в довольстве и радости. Ты красна и пригожа. Найди пару себе под стать. Жениха пригожего, да разумного. И будете вы счастливы до самой старости.

Осторожно убрал свою пленённую ладонь.

– А меня, ладо моё, забудь. Не мучай больше ни моё сердце, не своё сердечко!

Взгляд её больших синих глаз словно окаменел от горя.

– Илюша – свет Иванович, что слышу я?

Илья опустил голову.

– Прости меня, голубушка моя. По-другому я сказать не могу. Я не хочу, чтобы ты стала горемычной. Ты заслуживаешь лучшую долю.

Алёнушка в отчаянии всплеснула руками.

– Нет, Илюшенька, нет. Ты мне люб такой, какой ты есть. Никто другой мне не нужен!

Закрыла своё личико руками и разрыдалась.

– Слышишь, никто! Да я уж лучше в девках вековать буду, чем за другого человека замуж выйду!

Но Илья был упрям и честен. Честен и перед собой и перед своей любушкой. Он уже принял решение, и отступать не собирался. Отступать было не в его правилах. Конечно, глубокие переживания его лады, больно ранили и его большое и доброе сердце, но по-другому он поступить не мог. Потому, что был сильным и великодушным человеком. Он понимал, что рядом с ним, с нехожалым, она будет мучиться всю свою жизнь горемычную. И ему было нестерпимо жаль её, свою горлицу. Илья желал ей только счастливой доли, а потому решился обрубить все концы разом. Так будет лучше для обоих. Она сначала поплачет, помечется в большом горе, а потом, когда пройдёт время, успокоится и поймёт, что он был прав. Время ведь лечит...

Илья выпрямился. Взгляд его стал другим, совершенно ей не знакомым.

– Иди Алёнушка. Иди ладо моё. Ты достойна другой доли.

Резко рубанул рукой воздух, словно обрубил невидимые нити, их связывающие.

– И... больше не приходи сюда. Не надо.

Через силу выдавил из себя, страшные для неё, слова:

– Я больше... не в силах тебя видеть...

Она вскочила на ноги и в ужасе приложила свои ладони к побледневшим щекам. Глаза её утонули в слезах.

– Ты... ты гонишь меня, Илюша?

Илья отвернулся и глухо ответил:

– Да. Иди с миром.

Она с окаменевшим лицом подошла к двери. Прежде чем выйти, обернулась.

– Илюшенька, ты прогнал меня из своей избы, но из сердца своего ты прогнать меня не посмеешь. Я не перестану тебя любить, так и знай. Никогда не перестану. Сколько бы годков не минуло, не перестану...

Тихо притворила за собой дверь.

Илья остался один. Он был оглушён её прощальными словами. А ещё тишиной и одиночеством. С горечью он, вдруг, осознал, что только что, собственноручно, вышиб из-под себя последнюю опору, которая придавала его жизни какой-то смысл. Теперь все смыслы были утеряны. Он понял, что без Алёнушки, жизнь его сирая, да убогая, станет ещё постылей, ещё невыносимей.

Он склонил свою буйную головушку на могучую грудь и тихо заплакал. Впервые в жизни. Сдержанно и глухо. Ему стало жаль Алёнушку, её светлую любовь к нему, себя самого и свою несчастную долю...

Алёнушка пришла домой, не видя дороги от горьких слёз. После своего визита, она, действительно, перестала ходить к своему Илюшеньке в гости. Загрустила. Загоревала.

Бывало, после всяких домашних дел, сядет вечером на крылечко и смотрит на улицу, пригорюнившись. Мимо проходят весёлые подружки её. Идут на поляну, что рядом с дремучим лесом, чтобы попеть песни, да повеселиться. Зовут её с собой. Но она молчит в ответ, лишь отказно качает головой...

Алёнушка слыла красавицей. И лицом и станом вышла. И голос у неё был певучий, да звонкий. Засматривались на неё парни, но равнодушна она была к ним. Бывало, проходит записным щеголем, то один, то другой. Всё напрасно. Не привлекали её, ни расшитые рубахи их, ухарски расстёгнутые на груди, ни модные причёски под «горшок», ни новые, ещё не растоптанные, лапти липовые. Перефразируя классика, можно было сказать, *что она не замечала ничего, ничто не трогало её...*

Алёнушка с тоской смотрела на улицу и всё высматривала своего Илюшеньку. Не покажется ли он в конце улицы? Не пройдёт ли он по ней своей лёгкой походкой? Не остановится ли

возле её крылечка? Не повернёт ли свою светлую кудрявую головушку в её сторону, да не улыбнётся ли ей своей широкой, приветливой улыбкой?

Нет, не проходил её Илюшенька по улице, не останавливался он возле её крылечка, сколько она не присматривалась, да не приглядывалась. А она всё ждала его. А она всё надеялась, не ведомо на что...

Её тихо журила матушка. Пелагея Ивановна говорила ей, что хватит плакать и печалиться. Довольно губить красоту свою девичью, почём зря. Не придёт к тебе больше ясный сокол Илюшенька. Нехожалый он и вековать ему, сидя на лавке, в своей избе, как в темнице, из которой уже никогда не выйти на белый свет...

Но Алёнушка не верила своей матушке. Она продолжала ждать его, надеясь на чудо чудное, диво дивное...

Глава 4. Волхв

Всем известно, что историческая наука относится к области самых точных наук. Особенно, отечественная. Причём она находится в постоянном развитии. Всё время уточняются даты и корректируются события. И процессу этому не видно конца, как нет предела совершенству.

Это, в равной степени, относится и к народным преданиям и легендам. Уж их – то можно было оставить в покое. Казалось бы, что может быть правдивее и точнее народного творчества. Это же, чистейшей воды, реализм. Придаться совершенно не к чему – ведь сам народ сотворил! А народу нельзя не верить...

Нет же, и здесь ведётся неутомимая работа по исследованию произведений народного эпоса, и уточнению некоторых моментов его.

Вот взять, хотя бы, фигуру Ильи Муромца. Богатырь – легенда, защитник народный, а сиднем сидел на печи аж тридцать три года. А если учесть, что продолжительность жизни среднестатистического богатыря, в те героические времена, не достигала и до тридцати годов, то выходило, что Илье уже не доставало времени, чтобы показать себя, во всей красе своей богатырской...

Действительно, личность крестьянского детины Ильи, что из-под города Мурома, необычайно колоритна и притягательна. Человек, как уже отмечалось, тридцать три года сидел на печи, безвылазно. Но, не смотря на эти обстоятельства, имел фигуру Геракла, и такие кубики на животе, что Шварцнегер может нервно отдыхать в сторонке, несмотря на то, что занимался в спортзале по двадцать пять часов в сутки. А после того, как испил он студёной водицы из Каргачи-реки, так и вовсе разошёлся. То, играючи, вырвет с корнем могучий дуб, то камнями-валунами, как теннисными мячиками, поиграет...

Здесь что-то не так, решили исторические умы академических кругов Центра хронопутешествий. А раз есть сомнения, то на них надо обязательно отреагировать, причём строго научно...

Год Веков, шеф хронопутешественника Глеба Дронова, твёрдо настоял, чтобы в конец X века нашей отечественной истории «нырнул» именно его подопечный, а не кто-то другой.

И почему, понятно. Муромский заповедный край, это вам не цивилизованная и предсказуемая Европа. Там нет, милой сердцу каждого цивилизованного европейца, святой инквизиции, костерков на центральных площадях, рыцарских турниров и перманентных войн между феодалами за клочок земли. Там нет милой европейской традиции, где вас, запросто, могут прихлопнуть в любом тёмном закоулке, из-за кошелька с несколькими монетами. Кстати, могут прихлопнуть и в светлом закоулке, тоже. Демократия, ведь...

Муромский край – это совсем другое. Это необъятные просторы и могучие, ни разу не хоженные, леса. Никакой тебе толерантности и демократии. Сплошная вольница. В небесах летает Змей Горыныч. На прямоезжих дорогах свистят Соловьи-разбойники. А в дремучих лесах сплошь шуруют лешие да кикиморы. Не говоря уже о бабах-ёжках...

Опасно. Но Глеб Дронов – тёртый калач. Вот его и отрядили под город Муром, навестить Илью Ивановича, который сиднем сидел на лавке, и разгадать загадку его богатырской личности для исторической науки.

Экипирован хронопутешественник был по моде того времени, и выглядел записным щёголем. Белые полотняные портки, да белая полотняная рубаша в шитых узорах, могли сразить наповал любого модника. Но это ещё не всё. Талию его стягивал широкий кожаный ремень с массивной кованой пряжкой. На поясе висел армейский нож, с которым он никогда не расставался. На ногах красовались красные, сафьяновые сапожки. Позаботился Дронов и об имидже собственной физиономии. Отрастил, по этому случаю, растительность на лице и русые кудри.

А если присовокупить, ко всему этому, ещё и синие глаза с белозубой улыбкой, то получился не молодец, а одно загляденье...

Село Карачарово. Глеб, с интересом, оглянулся. Несколько десятков изб. Все из дерева. Крыши соломенные. Срубы из толстого бревна, крепкие. Окошки маленькие, похожие на амбразуры. А, может, они таковыми и являлись, чтобы, в случае чего, отстреливаться от врага. Окошки затянуты бычьим пузырём. Избы рассыпаны свободно. Связаны они были между собой тропами и длиннющей улицей с переулком. Ни названия улицы, ни номеров на избах. Попробуй, угадай, где чья? Село выглядело пустынным. Видно, обитатели его, все поголовно, ушли. Кто на охоту, кто на пашню. Но были и такие, кто сидел на печи.

Глеб, постояв несколько минут в раздумье, двинулся вглубь села, в надежде кого-нибудь встретить. И ему повезло. Из-за угла ближайшей избы, в его сторону, шустро перебирая босыми ногами, шла седовласая женщина.

Дронов вежливо её окликнул:

– Ай, же ты, добрая женщина, позволь спросить тебя?

Женщина остановилась и с нескрываемым удивлением уставилась на ладного молодца, в модном костюме. Причём, он был настолько высок да ладен, что, поначалу, она не поверила глазам своим. Сильно усомнилась она, что таким может быть выходец из здешних мест: уж больно пригожим он ей показался!

Женщина оказалась на удивление коммуникабельной, но немного подозрительной.

– Гой еси ты, добрый молодец, кто сам-то будешь? Я тут долго живу уже, но такого молодца как ты, вижу впервые. Откуда пожаловал к нам, сокол ясный?

Дронов обезоруживающе улыбнулся.

– Ой, же ты, добрая женщина, пришлый я.

Туманно добавил:

– Издалека пришёл...

Она ещё раз окинула своим цепким взглядом его стройную фигуру и подозрительно белый, немятый костюм.

– Видно, что издалёка... Видно-видно... В наших краях таких молодцев не найти.

Подняла глаза к небу.

– Уж не оттуда ли ты?

Глеб снова улыбнулся.

– Почему так считаешь, добрая женщина?

– Чистый ты шибко, добрый молодец, для дальней дороги-то.... Нет ни пылинки, ни на сапожках диковинных, ни на платье твоём.

Хронопутешественник смутился.

– Из Муром-града я. А одежду свою оберегал, потому и чистая она.

Старуха, в знак одобрения, закивала головой. Подозрение во взгляде потускнело.

– В Муроме-граде, чай, все в такой одежде ходят?

Дронов сказал первое, что пришло в голову.

– Все поголовно, матушка. Не найдёшь никого, чтобы не в такой одежде ходил. Кроме купцов, конечно. У тех товар из чужих земель. Те совсем гоголем выступают.

После пространного отвлечения, женщина, наконец, вернулась к истоку разговора:

– О чём спросить-то хотел меня, добрый молодец?

Глеб обрадовался тому, что разговор вернулся в нужную колею.

– Об Илье – свет Ивановиче хотел спросить я, о нехожалом молодце.

Женщина настороженно уставилась на чудного, пришлого человека.

– Зачем спрашиваешь о нём? Али встречался раньше?

Глеб немного смутился.

– Нет, не встречал я раньше этого доброго молодца.

Настороженность женщины усилилась.

– Тогда откуда знаешь его?

Гость из будущего неопределённо повёл глазами.

– Земля слухами полна...

Седовласая собеседница, неожиданно для Дронова, смягчилась.

– Ох, полна земля слухами, добрый молодец, ох, полна...

Задумчиво пожевала губами, и ударилась в лирические воспоминания.

– Был богатырь, Илюшенька – свет. Молодец – одно загляденье. Все девицы красные села нашего Карачарово, заглядывались на него. А село – то у нас, ой, какое большое. Тайно они вздыхали, глядючи...

Выдавила потайную слезу.

– И моя Алёнушка, тоже... эх...

Утёрла уголком платка слезинку. Всклипнула:

– Да не судьба, видно, быть им вместе... не судьба...

«Ага, – подумал Глеб, – получается, что Илья раньше-то был жив – здоров, раз девицы-красавицы на него заглядывались. Отсюда вывод: нехожалым он стал совсем недавно, а не был им с раннего детства. Это уже любопытно».

Дронов почувствовал, что беседа его со словоохотливой собеседницей выводит его к конечной цели.

– Да где же его изба будет, добрая женщина? Увидеть его хочу.

Женщина показала рукой на избу, которая стояла на отшибе, в конце улицы.

– Вон она. Сидит в ней Илюшенька – свет, как в темнице. Света белого не видит...

Снова выдавила скупую слезу.

– Ой, бедная его головушка...

Всклипнула от великой жалости.

– А такой молодец был, такой красавец...

Тускло посмотрела на Дронова.

– Иди, добрый человек, посмотри... Только ни к чему всё это. Ох, ни к чему. Силушка его богатырская уж больше не возвратится к нему. Не станет больше Илюшенька на свои крепкие ноженьки. Не пройдёт он ясным соколом по селу, подбоченясь. Не улыбнётся больше моей Алёнушке, зазывно. Ой, беда-то, какая...

Дронов поблагодарил словоохотливую женщину поклоном и на прощанье спросил:

– Как зовут тебя, добрая женщина?

Та охотно ответила:

– Пелагеей Ивановной кличут меня...

Он не мог не спросить о девушке, имя которой она упоминала. Это ему было нужно для полноты картины.

– А кем приходится тебе, добрая женщина, красная девица по имени Алёнушка?

Пелагея Ивановна снова всклипнула.

– Дочерью родной она мне приходится, вот кем.

Приложила руки к щекам. Закачала сокрушённо своей головой из стороны в сторону.

– Была она наречённой Илюшеньки – света, да не судьба им вместе быть. Хотя, всё ждёт на его, горемычная. Все три годика ждёт, как он нехожалым стал. Всё надеется на что-то, сердечная. Ох, горе-то, какое...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.